

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович

**По Уралу. Рассказы и очерки
Н. Мамина-Сибиряка**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Наркисович М.**
По Уралу. Рассказы и очерки Н. Мамина-Сибиряка / Мамин-Сибиряк Дмитрий
Наркисович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 53 с.

ISBN 978-5-519-95157-9

Содержание. Дорогой камень; Дедушкино золото; Вертел; В глуши; Кор-
милец; На реке Чусовой

ISBN 978-5-519-95157-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— Какъ же это такъ?—удивлялся покупатель.—Камень никуда не годится...

— Мы ничего не знаемъ, баринъ,—отвѣчалъ за всѣхъ Ермилычъ.—Наше дѣло маленькое...

Всѣ рабочіе, обыкновенно, покатывались со смѣху, когда одураченный покупатель уходилъ.

— А ты смотри хорошенько,—наставительно замѣчалъ Ермилычъ, косвенно защищая хозяина:—на то у тебя глаза есть... Алексѣй-то Иванычъ выучить.

Всѣхъ больше злорадствовалъ Спирька, хохотавшій до слезъ. Все-таки развлеченіе, а то сиди день-деньской за верстакомъ, какъ пришитый. Да и господъ жалѣть нечего: дикія у нихъ деньги,—вотъ и швыряютъ ихъ.

Работа въ мастерской распредѣлялась такимъ образомъ. Сырые камни сортировалъ Ермилычъ, а потомъ передавалъ ихъ Левкѣ „околотать“, т.-е. обколотъ желѣзнымъ молоткомъ, такъ, чтобы можно было гранить. Это считалось черной работой, и только самые дорогіе камни, какъ изумрудъ, окалтывалъ Ермилычъ самъ. Околтанные Левкой камни поступали къ Спирькѣ, который обтачивалъ ихъ начерно. Игнатій уже клалъ *фасетки* (границы), а Ермилычъ поправлялъ еще разъ и полировалъ. Въ результатъ получались играющіе разными цвѣтами драгоцѣнные и полудрагоцѣнные камни: изумруды, хризолиты, аквамарины, тяжеловѣсы (благородный топазъ), аметисты, а больше всего—раухъ-топазы (дымчатаго цвѣта горный хрусталь) и просто горный безцвѣтный хрусталь. Изрѣдка попадали и другіе камни, какъ рубины и сапфиры, которые Ермилычъ называлъ „зубастыми“, потому что они были тверже всѣхъ остальныхъ. Аметисты Ермилычъ называлъ архіерейскимъ камнемъ. Старикъ относился къ камнямъ, какъ къ чему-то живому, и даже сердился на нѣкоторые изъ нихъ, какъ хризолиты.

— Это какой камень? Прямо сказать, врагъ нашъ,—ворчалъ онъ, пересыпая на рукѣ блестящія изумрудно-зеленые зерна.—

Всякій другой камень мокрымъ наждакомъ точится, а этому подавай сухой. Вотъ какъ наглотаешься пыли-то... Одна маета.

Большіе камни точились прямо рукой, нажимая камнемъ на вертѣвшійся кругъ; а мелкіе предварительно прилѣплялись особой мастикой къ деревянной ручкѣ. Во время работы вертѣвшійся кругъ постоянно смачивался наждакомъ. Наждакъ—порода корунда, которую для граненія и шлифованія превращаютъ въ мельчайшій порошокъ. При работѣ высохшій наждакъ носится мелкой пылью въ воздухъ, и рабочіе поневолѣ дышатъ этой пылью, засоряя легкія и портя глаза. Благодаря именно этой наждачной пыли, большинство рабочихъ-гранильщиковъ страдаютъ грудными болѣзнями и рано теряютъ зрѣніе. Прибавьте къ этому еще то, что работать приходится въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ, безъ всякой вентиляции, какъ у Алексѣя Иваныча.

— Тѣсновато... да...—говорилъ самъ Уховъ.—Ужо новую мастерскую выстрою, какъ только поправлюсь съ дѣлами.

Годъ шель за годомъ, а дѣла Алексѣя Иваныча все не поправлялись. Относительно пищи повторялось то же самое. Алексѣй Иванычъ самъ иногда возмущался обѣдомъ своихъ рабочихъ и говорилъ:

— Какой это обѣдъ? Развѣ такіе обѣды бываютъ?.. Вотъ только поправлюсь дѣлами, тогда все повернемъ по-настоящему.

Алексѣй Иванычъ никогда не спорилъ, не горячился, а соглашался со всѣми и дѣлалъ по-своему. Даже Ермилычъ какъ ни бранилъ хозяина за глаза, говорилъ:

— Ну, и человѣкъ тоже уродился!.. Его, Алексѣя Иваныча, какъ живого налива, никакъ не ухватишь рукой. Глядишь, и вывернулся. А на словахъ-то, какъ гусь на водѣ... Онъ же еще и жалѣетъ насъ!.. И тѣсно-то намъ, и ѣда-то плохая... Ахъ, какой человѣкъ уродился!.. Однимъ словомъ, кругомъ плутъ!..

II.

Солнце свѣтило во всѣ глаза, какъ оно свѣтитъ только въ іюлѣ. Было часовъ одиннадцать утра. Ермилычъ сидѣлъ на самомъ припѣкѣ и наслаждался тепломъ. Его уже не грѣла старая кровь. Прошка думалъ цѣлое утро объ обѣдѣ. Онъ постоянно былъ голоденъ и жилъ только отъ ѣды до ѣды, какъ маленькій, голодный звѣрокъ. Онъ рано утромъ заглядывалъ въ кухню и видѣлъ, что на столѣ лежалъ кусокъ „шейны“ (самый дешевый сортъ мяса, отъ шеи), и впередъ предвкушалъ удовольствіе поѣсть шей съ говядиной. Что можетъ быть лучше такихъ шей, особенно, когда жиръ покрываетъ варено слоемъ чуть не въ вершокъ, какъ отъ свинины?.. Сейчасъ, лѣтомъ, свинина дорога, и это удовольствіе доступно только зимой, когда привозятъ въ городъ мороженныхъ свиней, и Алексѣй Иванычъ покупаетъ цѣлую тушку. Хороша и шейна, если хозяйка не разбавитъ щи водой. Отъ этихъ мыслей у Прошки щемило въ желудкѣ, и онъ глоталъ голодную слюну. Если бы можно было наѣдаться досыта каждый день!..

Прошка вертѣлъ свое колесо, закрывъ глаза. Онъ часто такъ дѣлалъ, когда мечталъ. Но его мысли сегодня были нарушены неожиданнымъ появленіемъ Алексѣя Иваныча. Это значило, что кто-то придетъ въ мастерскую, и что придется ждать обѣда. Алексѣй Иванычъ нарядился въ свой рабочій костюмъ и озабоченно посмотрѣлъ кругомъ.

— Этакая грязь!..—думалъ онъ вслухъ.—И откуда только она берется? Хуже, чѣмъ въ конюшнѣ... Спирька, хоть бы ты прибралъ что-нибудь!

Спирька съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ кругомъ. Если убирать, такъ надо всю мастерскую разнести по бревнышку. Онъ все-таки перенесъ изъ одного угла въ другой нѣсколько тяжелыхъ камней, валявшихся въ мастерской безъ всякой

надобности. Этимъ все и кончилось. Алексѣй Ивановичъ только покачалъ головой и проговорилъ:

— Ну, и мастерская, нечего сказать! Только свиней держать.

Время подошло къ самому обѣду, когда у воротъ уховскаго дома остановился щегольской экипажъ, и изъ него вышла нарядная дама съ двумя дѣтьми: дѣвочкой лѣтъ двѣнадцати и мальчикомъ лѣтъ десяти. Алексѣй Ивановичъ выскочилъ встрѣчать дорогихъ гостей за ворота безъ шапки и все время кланялся.

— Ужъ вы извините, сударыня!.. Грязновато будетъ въ мастерской; а камушки вы можете посмотрѣть у меня въ домѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—настойчиво повторяла дама.—Камни я могу купить и въ магазинѣ; а мнѣ именно хочется посмотрѣть вашу мастерскую, т.-е. показать дѣтямъ, какъ гранятся камни.

— А, это другое дѣло! Милости просимъ...

Дама поморщилась, когда переступила порогъ уховской мастерской. Она никакъ не ожидала встрѣтить такое убожество.

— Отчего у васъ такъ грязно?—удивлялась она.

— Намъ никакъ невозможно соблюдать чистоту, — объяснялъ Алексѣй Ивановичъ.—Извѣстно, камень... Пыль, соръ, грязь... Ужъ какъ стараемся, чтобы почище...

Эти объясненія, видимо, нисколько не убѣдили даму, которая брезгливо подобрала юбки, когда переходила отъ двери къ верстаку. Она была такая еще молодая и красивая, и уховская мастерская наполнилась запахомъ какихъ-то дорогихъ духовъ. Дѣвочка походила на мать и тоже была хорошенькая. Она съ любопытствомъ слушала подробныя объясненія Алексѣя Ивановича и откровенно удивилась въ концѣ концовъ тому, что изъ такой грязной мастерской выходятъ такіе хорошенькіе камушки.

— Да, барышня, случается, — объяснил Ермилыч: — и бѣлый хлѣбъ, который изволите кушать, на черной землѣ родится.

Алексѣй Ивановичъ прочиталъ цѣлую лекцію о драгоценныхъ камняхъ. Сначала показалъ ихъ въ сыромъ видѣ, а потомъ — послѣдовательную обработку.

— Прежде камней было больше, — объяснялъ онъ, — а теперь годъ отъ году все меньше и меньше. Вотъ взять александритъ, — его днемъ съ огнемъ найщешься. А господа всеѣма его уважаютъ, потому какъ онъ днемъ зеленый, а при огнѣ — красный. Разнаго сословія бываетъ, сударыня, камень, все равно, какъ бываютъ разные люди.

Мальчикъ совсѣмъ не интересовался камнями. Онъ не понималъ, чѣмъ любятъ мать и сестра, и чѣмъ хуже граненныя цвѣтныя стекла. Его больше всего заняло деревянное, большое колесо, которое вертѣлъ Прошка. Вотъ это штука, дѣйствительно, любопытная: — такое большое колесо и вертится! Мальчикъ незамѣтно пробрался въ темный уголъ къ Прошкѣ и съ восхищеніемъ смотрѣлъ на блестящую, желѣзную ручку, за которую вертѣлъ Прошка.

— Отчего она такая свѣтлая?

— А отъ рукъ, — объяснилъ Прошка.

— Дай-ка, я самъ поверчу...

Прошка засмѣялся, когда барченокъ принялся вертѣть колесо.

— Да это очень весело... А тебя какъ зовутъ?

— Прошкой.

— Какой ты смѣшной: точно изъ трубы вылѣзъ.

— Поработай-ка съ мое, такъ не такъ еще почериѣшь.

— Володя, ты это куда забрался? — удивилась дама. — Еще ушибешься..

— Мамочка, ужасно интересно!.. Отдай меня въ мастерскую, — я тоже вертѣлъ бы колесо. Очень весело!.. Вотъ, смотри! И такая ручка свѣтлая, точно отполированная. А Прошка по-

ходить на галченка, который жилъ у насъ. Настоящій галченочкъ...

Мать Володи заглянула въ уголь Прошки и только покачала головой.

— Какой онъ худенькій!—пожалѣла она Прошку. — Онъ чѣмъ-нибудь боленъ?

— Нѣтъ, ничего, слава Богу!—объяснилъ Алексѣй Ивановичъ. —Круглый сирота,—ни отца, ни матери... Не отъ чего жирѣть, сударыня! Отецъ умеръ отъ чахотки... Тоже мастеръ былъ по нашей части. У насъ много отъ чахотки умираетъ...

— Значить, ему трудно?

— Нѣтъ, зачѣмъ трудно? Извольте сами попробовать... Колесо, почитай, само собой вертится.

— Но, вѣдь, онъ работаетъ цѣлый день?

— Обыкновенно...

— А когда утромъ начинаете работать?

— Не одинаково,—уклончиво объяснилъ Алексѣй Ивановичъ, не любившій такихъ разспросовъ.—Глядя по работѣ... Въ другой разъ—часовъ съ семи.

— А кончаете когда?

— Тоже не одинаково: въ шесть часовъ, въ семь,—какъ случится.

Алексѣй Ивановичъ привралъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ, убавивъ цѣлыхъ два часа работы.

— А сколько вы жалованья платите вотъ этому Прошкѣ?

— Помилуйте, сударыня, какое жалованье! Одѣваю, обуваю, кормлю, все себѣ въ убытокъ. Такъ, изъ жалости держу сироту... Куда ему дѣться-то?

Дама заглянула въ уголь Прошки и только пожала плечами. Вѣдь, это ужасно: цѣлый день провести въ такомъ углу и безъ конца вертѣть колесо. Это какая-то маленькая каторга...

— Сколько ему лѣтъ?—спросила она.

— Двѣнадцать...

— А на видъ ему нельзя дать больше девяти. Вѣроятно, вы плохо его кормите?

— Помилуйте, сударыня! Ёда для всѣхъ у меня одинаковая. Я самъ вмѣстѣ съ ними обѣдаю. Прямо сказать, въ убытокъ себѣ кормлю; а только ужъ сердце у меня такое... Ничего не могу подѣлать и всѣхъ жалѣю, сударыня.

Барыня отобрала нѣсколько камней и просила прислать ихъ домой.

— Пошлите камни съ этимъ мальчикомъ,—просила она, указывая глазами на Прошку.

— Слушаю-съ, сударыня!

Послѣднее желаніе не понравилось Алексѣю Иванычу. Эти барыни вѣчно что-нибудь придумаютъ! Къ чему ей понадобился Прошка? Лучше онъ самъ бы принесъ камни. Но дѣлать нечего,—съ барыней развѣ сговоришь? Прошка, такъ Прошка,—пусть его идетъ; а у колеса пороботаетъ Левка.

Когда барыня уѣхала, мастерская огласилась общимъ смѣхомъ.

— Духу только напустила!—ворчалъ Ермилычъ.—Точно отъ мыла пахнетъ...

— Она и Прошку надушить,—соображалъ Спирька.—А Алексѣй Иванычъ охулки на руку не положилъ: рубликовъ на пять ее околпачилъ.

— Что ей пять рублей? Наплевать!—ворчалъ Ермилычъ.—У барскихъ денежекъ глазъ нѣтъ... Вотъ и швыряютъ. Алексѣй-то Иванычу это на руку. Вотъ какъ распинался онъ передъ барыней: соловьемъ такъ и поетъ.

— Платье на ней шелковое, часы золотые, колець сколько... Богатѣющая барыня!

— Ну, это еще неизвѣстно. Одна видимость въ другой разъ. Всякіе господа бываютъ...

Дорогой маленькій Володя объяснилъ матери, что Прошка „вѣртель.“

— Что это значить?—не понимала та.

— А вертитъ колесо,—ну, и вышелъ: *вѣртелъ*. Не *вертълз*, мама, а *вѣртелъ*.

III.

Бѣднаго Прошку часто занималъ вопросъ о тѣхъ неизвѣстныхъ людяхъ, для которыхъ онъ долженъ былъ съ утра до ночи вертѣть въ своемъ углу колесо. Другія дѣти веселились, играли и пользовались свободой; а онъ былъ точно привязанъ къ своему колесу. Прошка понималъ, что у другихъ дѣтей есть отцы и матери, которые ихъ берегутъ и жалѣютъ; а онъ—круглый сирота и долженъ самъ зарабатывать свой маленький кусочекъ хлѣба. Но, вѣдь, круглыхъ сиротъ много на бѣломъ свѣтѣ, и не всѣ же должны вертѣть колеса. Сначала Прошка возненавидѣлъ свое колесо, потому что, не будь его, и не нужно было бы его вертѣть. Это была совершенно дѣтская мысль. Потомъ Прошка началъ ненавидѣть Алексѣя Иваныча, которому его отдала въ ученье тетка. Алексѣй Иванычъ нарочно придумалъ это проклятое колесо, чтобы мучить его.

— „Когда я вырасту большой,—раздумывалъ Прошка за работой,—тогда я отколочу Алексѣя Иваныча, изрублю топоромъ проклятое колесо и убѣгу въ лѣсъ“.

Послѣдняя мысль нравилась Прошкѣ больше всего. Что можетъ быть лучше лѣса? Ахъ, какъ тамъ хорошо!.. Трава зеленая-зеленая, сосны шумятъ вершинами, изъ земли сочатся студеные ключики, всякая птица поетъ по-своему,—умирать не нужно! Устроить изъ хвой шалашикъ, разложить огонекъ,—и живи себѣ, какъ птица. Пусть другіе задыхаются въ городахъ отъ пыли и вертятъ колеса... Прошка уже видѣлъ себя свободнымъ, какъ птица.

(— Убѣгу!..—рѣшалъ Прошка тысячу разъ, точно съ кѣмъ-вибудь спорилъ.—Даже и Алексѣя Иваныча не буду бить, а просто убѣгу.

Прошка думалъ цѣлые дни,—вертитъ свое колесо и думаетъ, думаетъ безъ конца. Разговаривать за работой было неудобно, не то, что другимъ мастерамъ. И Прошка все время думалъ, думалъ до того, что начиналъ видѣть свои мысли точно живыми. Видѣлъ онъ часто и самого себя и непремѣнно большимъ и здоровымъ, какъ Спирька. Вѣдь, хорошо быть большимъ. Не понравилось у одного хозяина,—пошелъ работать къ другому.

Ненависть къ Алексѣю Иванычу тоже прошла, когда Прошка понялъ, что всѣ хозяева одинаковы, и что Алексѣй Иванычъ совсѣмъ не желаетъ ему зла, а дѣлаетъ то же, что дѣлали и съ нимъ, когда онъ былъ такимъ же вертеломъ, какъ сейчасъ Прошка. Значитъ, виноваты тѣ люди, которымъ нужны всѣ эти аметисты, изумруды, тяжеловѣсы,—они и заставляли Прошку вертѣть его колесо. Тутъ ужъ воображеніе Прошки отказывалось работать, и онъ никакъ не могъ представить себѣ этихъ безчисленныхъ враговъ, сливавшихся для него въ одномъ словѣ „господа“. Для него ясно было одно, что они злые. Для чего имъ эти камни, безъ которыхъ такъ легко обойтись? Если бы господа не покупали камней у Алексѣя Иваныча, ему пришлось бы бросить свою мастерскую,—и только всего. А вонъ барыня еще дѣтей притащила... Дѣйствительно, есть чѣмъ полюбоваться... Прошка видѣлъ во снѣ эту барыню, у которой камни были и на рукахъ, и на шеѣ, и въ ушахъ, и на головѣ. Онъ ненавидѣлъ ее и даже сказалъ:

— У! злая...

Ему казалось, что и глаза у барыни свѣтились, какъ свѣтитъ шлифованный камень,—зеленые, злые, какъ у кошки ночью.

Никто изъ мастеровъ никакъ не могъ понять, зачѣмъ понадобился барынѣ именно Прошка. Алексѣй Иванычъ и самъ бы пришелъ да еще подsunулъ бы товару рубликовъ на десять; а что можетъ понимать Прошка?

— Блажь господская, и больше ничего, — ворчалъ Ермилычъ.

Алексѣй Иванычъ тоже былъ недоволенъ. Во-первыхъ, нельзя было Прошку пустить по-домашнему, — значить, расходъ на рубаху; а во-вторыхъ, кто ее знаетъ, барыню, что у нея на умѣ!

— Ты рыло-то вымой, — наказывалъ онъ Прошкѣ еще съ вечера. — Понимаешь? А то придешь къ барынѣ чортъ чортомъ...

Въ виду этихъ приготовленій Прошка началъ трусить. Онъ даже пробовалъ увильнуть, сославшись на то, что у него болить нога. Алексѣй Иванычъ разсвирѣпѣлъ и, показывая кулакъ, проговорилъ:

— Я тебѣ покажу, какъ ноги болятъ!..

Нужно сказать, что Алексѣй Иванычъ никогда не дрался, какъ другіе мастера, и очень рѣдко бранился. Онъ обыкновенно со всѣми соглашался, все обѣщалъ и ничего не исполнялъ.

Прошка долженъ былъ идти утромъ, когда барыня пила кофе. Алексѣй Иванычъ осмотрѣлъ Прошку, какъ новобранца, и проговорилъ:

— А ты не робѣй, Прошка! И господа такіе же люди, — изъ той же кожи сшиты, какъ и мы, грѣшные. Барыня заказала аметистовъ; а я тебѣ дамъ еще парочку берилловъ да тяжеловѣсовъ, да альмандиновъ. Понимаешь? Надо умѣть показать товаръ...

Алексѣй Иванычъ научилъ, сколько нужно запросить, сколько уступать и меньше чего не отдавать. Барыня-то еще можетъ, пожалѣетъ мальчонку и купить.

Когда Прошка уходилъ, Алексѣй Иванычъ остановилъ его въ самыхъ дверяхъ и прибавилъ:

— Смотри, лишняго не разболтывай... Понимаешь? Ежели будетъ барыня выпытывать насчетъ ѣды и прочее... „Мы, молъ, сударыня, серебряными ложками ѣдимъ“.

Прошкѣ пришлось идти черезъ весь городъ, и чѣмъ ближе онъ подходилъ, къ квартирѣ барыни, тѣмъ ему дѣлалось